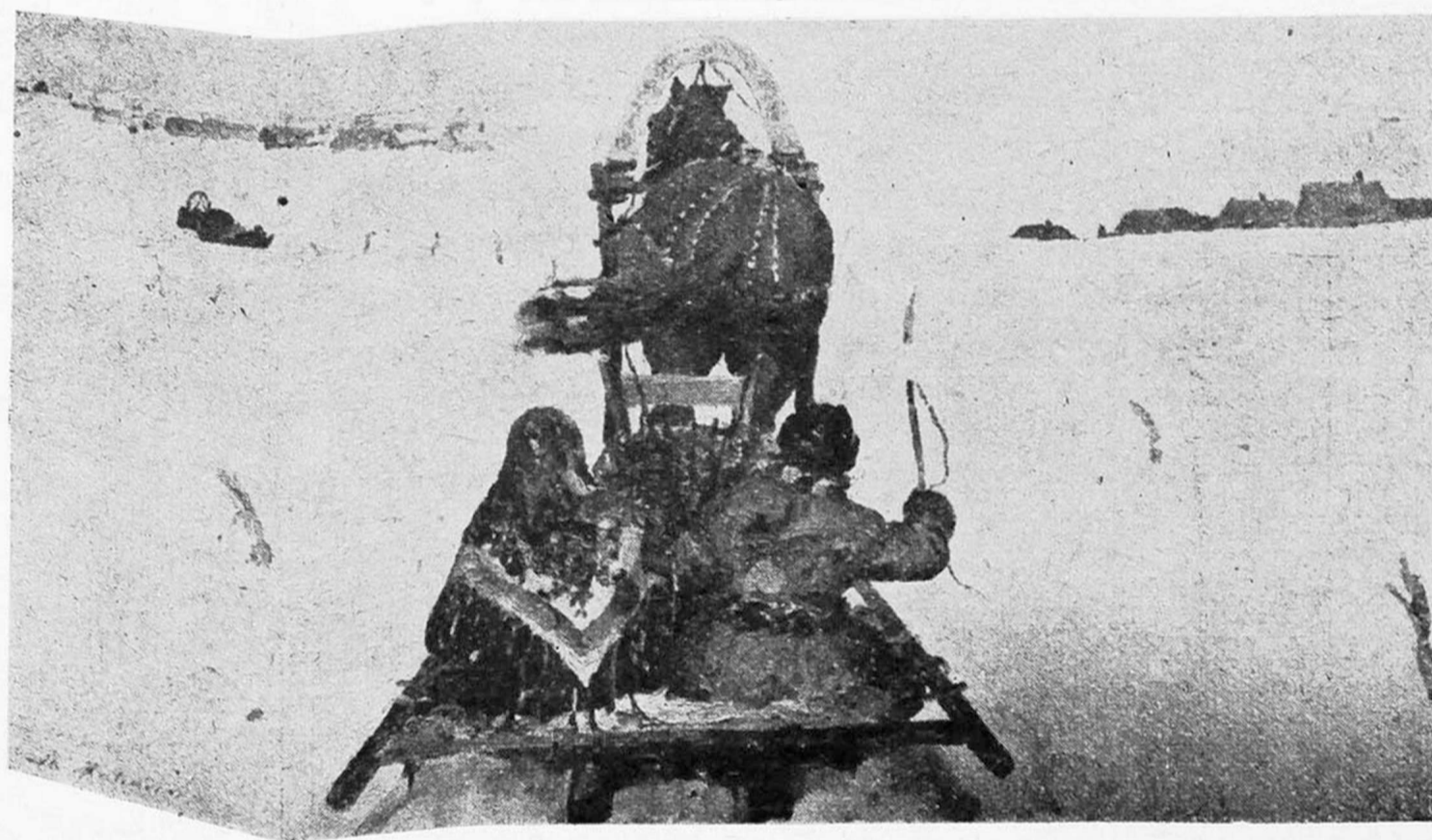

Русское искусство за границей

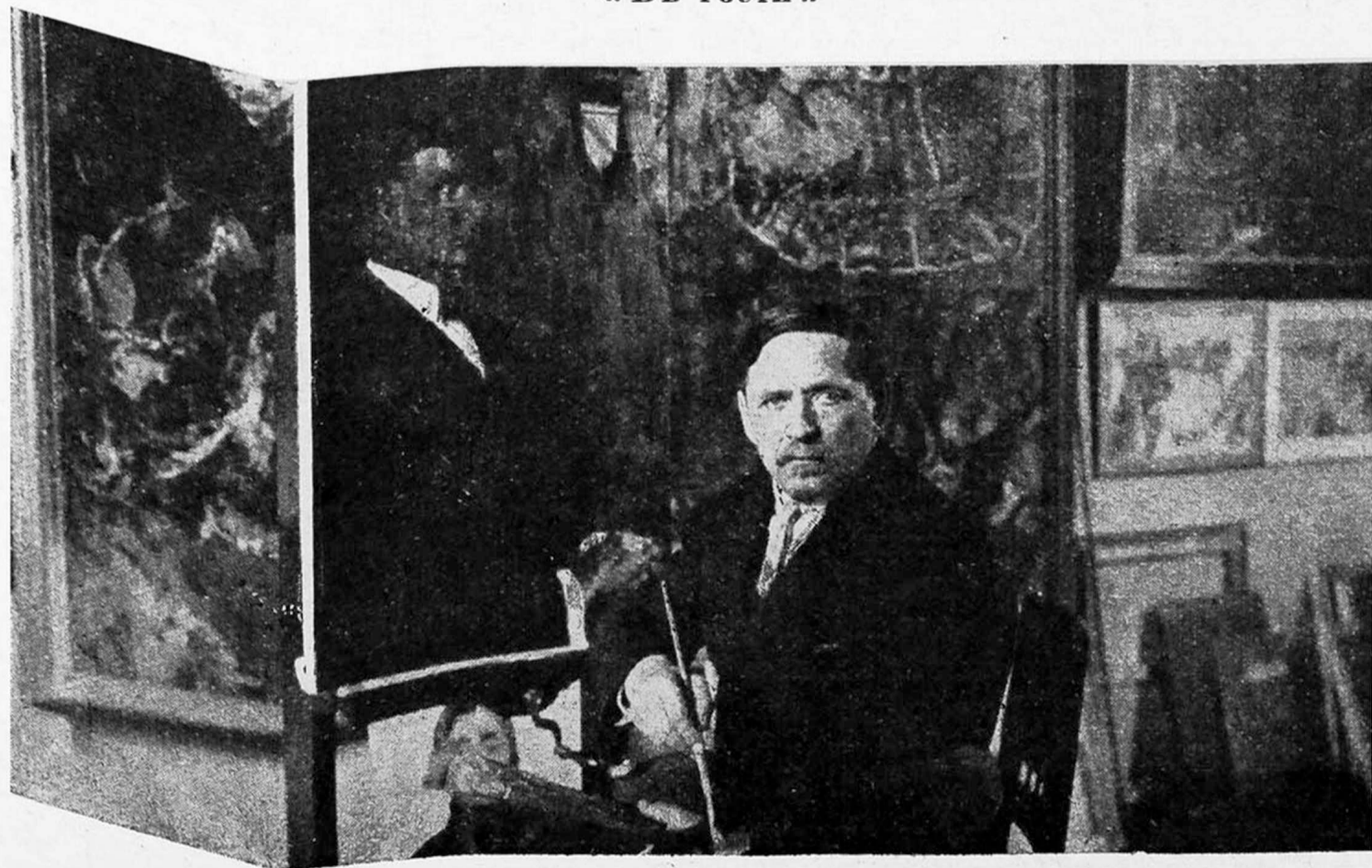
У Ф. А. Малявина

«Первый снег»

«Въ гости»

Ф. А. Малявинъ за работой

Декоративное панно

Ф. А. МАЛЯВИНЪ

Академикъ художникъ Ф. А. Малявинъ, авторъ знаменитыхъ картинъ — «Бабы» въ Московской Третьяковской галлерей и «Красный смѣхъ» въ Венеціанской городской галлерей, — сейчасъ работаетъ въ Парижѣ. Художникъ полонъ творческихъ силъ. Его картины на выставкахъ «Осенняго Салона» — «Въ гости», «Первый снегъ», «Хороводъ», портретъ г-жи Балашевой и др. имѣли огромный успѣхъ. Французская критика восторженно отзывалась о Малявинѣ какъ о талантливѣйшемъ представителѣ русскаго импрессионизма. Въ Америкѣ, на выставкѣ института Карнеджи, большой успѣхъ выпалъ на долю малявинской картины «Крикъ». На ближайшей парижской выставкѣ, въ галлерей Шарпантье, Ф. А. Малявинъ выставитъ «Жемчугъ», фигуру нагой женщины, обвитой нитью жемчуга. Весной же художникъ устраиваетъ свою выставку на которой будетъ выставлено все, что имъ написано въ Парижѣ.

И.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ

LA RUSSIE ILLUSTRÉE.

Рождественскій
номеръ

Новые друзья съ елки.

№ 52 (85)

Парижъ, суббота 25 Декабря 1926 г.

Цѣна отд. № 3 фр.
по Франціи

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ НОМЕРЪ

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

№ 52 (85)

Samedi, 25 Décembre 1926, Paris

Prix du numéro 3 fr.
en France

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

3-й годъ изданія

Редакторъ: М. П. МИРОНОВЪ

Редакція и Гл. Контора:

34, rue de Moscou, Paris (8)

Tél.: Central 92-26

3-ème année

Directeur: M. MIRONOFF

Rédaction et Administration

34, rue de Moscou, Paris (8)

Tél.: Central 92-26

РОССІЯ

ГЛАВКА

Разсказъ капитана Лебядкина.

— Велосипедъ-то мой пришелъ къ финишу, — спокойно заявилъ Григорій Ивановичъ и опустилъ въ карманъ мелочь, которую онъ держалъ въ рукѣ.

Эта фраза можетъ показаться читателю загадочной. Или читатель можетъ вообразить, что она была произнесена на велодромѣ Буффало. Такъ, чтобы не было недоразумѣній, разрѣшите сейчасъ же установить: ни загадки, ни Буффало. А фраза эта была произнесена и сопровождавшій ее жестъ сдѣланъ — въ Парижѣ, въ сочельникъ 1926 года, Григоріемъ Ивановичемъ Калугинымъ, бывшимъ присяжнымъ повѣреннымъ, а нынѣ безнадежнымъ аспирантомъ на постъ шофера, въ комнатѣ, которую онъ занималъ вмѣстѣ со своей женой, Ниной, — въ мезонъ меблѣ, въ двухъ шагахъ отъ портъ де Версаль.

Вотъ, что отвѣтила Нина, — никакъ невозможно установить, ибо въ тотъ самый моментъ, когда раздался его голосъ, внизу запыхтѣлъ каміонъ, зазвонилъ трамвай, закашлялъ автомобиль, да еще вдобавокъ затрубилъ въ трубу честный ремесленникъ, который этимъ сигналомъ даетъ знать, что онъ принимаетъ на себя ремонтъ просиженныхъ соломенныхъ стульевъ. Въ этомъ гвалтѣ, ясное дѣло, фраза, произнесенная Ниной, не то что утонула, а прямо растворилась, сошла на нѣтъ. Но Нина то поняла сразу загадочную фразу Григорія Ивановича. Вѣдь это она сама третьяго дня отвела велосипедъ Григорія Ивановича въ монъ-де-піэтэ.

Вотъ деньги изъ кармана, сказала Нина. Надо знать точно, сколько у насъ осталось.

Григорій Ивановичъ опустилъ руку въ карманъ и выложилъ на столъ кучу мелочи.

3 франка 40 сантимовъ, — сообщилъ онъ безстрастнымъ тономъ историка или статистика.

Какъ уже извѣстно читателю, это было въ сочельникъ. 3 франка 40 сантимовъ и въ будній то день небольшая сумма, а ужъ въ сочельникъ...

Но, можетъ быть, читатель, вы живете на Малагаскарѣ, или въ Марокко, или въ Юго-Славіи и вы не знаете, что такое въ Парижѣ сочельникъ.

Зайдемте на минуточку ну хоть къ мосье Антуану и его «петить ами» Фаншеттѣ, которые, кстати, проживаютъ какъ разъ подъ Григоріемъ Ивановичемъ съ Ниной и очень сближаются, между прочимъ, когда Григорій Ивановичъ послѣ 10 часовъ вечера выскабливаетъ у себя свою трубку объ уголъ кухоннаго стола. Ночью людямъ нуженъ покой и только сумасшедшіе русскіе ложатся спать въ 11 часовъ. Мосье Антуанъ не сумасшедшій, а Фаншеттѣ и подавно и, если она купила передъ самымъ сочельникомъ на 500 франковъ бонъ де дефансъ, то это очень разумно, ибо она получить проценты и проценты эти не истратитъ, а снесетъ въ кэссъ д-эпарнь. Правда, Антуанъ не отказываетъ себѣ въ апперитивахъ, но 6000 то тысячъ у него отложены на черный день. Но сейчасъ-то надо думать не объ этомъ, а о гораздо болѣе важномъ дѣлѣ — какъ провести ревелъонъ.

Впрочемъ, зачѣмъ же думать, когда программа празднованія сочельника была предложена Фаншеттѣ еще въ концѣ ноября и утверждена мосье Антуаномъ 4-го декабря, при чемъ къ этому же дѣлу были реализованы и отложены (подъ фарфоровую пастьшку, которая стоитъ съ лѣвой стороны на каминѣ), необходимые для этого фонды.

— Знаешь что Гриша сказала Нина. Я пойду и куплю хлѣба. Вѣдь ѣсть то надо. И завтра утрѣмъ надо къ кофе. А сейчасъ я сварю школадъ. У меня еще остался кусочекъ: на двѣ чашки хватить.

— Вали, Нина...

Мелкими шажками (такая уже у нея походка «шепотливая» какъ гсворить нянька, Анфисушка) бѣжитъ Нина по улицѣ. Огней-то! Всѣ маленькіе кафэ, всѣ бистро разукрашены. Вездѣ «просятъ заблаговременно заказать столъ».

Съ шумомъ, со смѣхомъ пронеслась компанія молельныхъ людей въ широкихъ панталонахъ.

Нина бѣжитъ назадъ. Мелкими шажками, — словно дробь отбиваетъ. Такая ужъ у нея походка. Несетъ незавернутый батеръ. А вѣдь херсшая вещь хлѣбъ, ей Богу. Какъ вкусно пахнетъ. Прямо прелесть. Съ школадомъ сейчасъ съ горячимъ. Чѣмъ не ревелъонъ. Ой какъ ѣсть хочется: у Нины слюнки текутъ. Отчего это у нихъ въ Парижѣ хлѣбъ такъ вкусно пахнетъ?

— Ну, Гриша, почему же на столъ не накрыто?

— Для хлѣба столъ накрывать? Ерунда!

— Не ерунда, и не извольте распускаться. У насъ рождественскій обѣдъ и потрудитесь достать чистую скатерть, а не эту тряпку... Я вчера выстирала нарочно.

Буркнулъ Григорій Ивановичъ:

— Ладно. Кого обманываешь? Налѣжь смѣешься?

— Я иду на кухню.

Нехотя разостлалъ чистую скатерть, чашки поставилъ, двѣ тарелки, ножикъ положилъ. Хотѣлъ положить вилки, да вдругъ засмѣялся зло и